

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны ¹⁾).

„Нѣмецъ это не человекъ,— это чортъ“
(Слова высокопоставленной дамы).

1—3 ноября. Ну развѣ не права эта дама? Развѣ не таковъ нѣмецъ? Развѣ онъ не нарушаетъ всѣ законы Божескіе и человѣческіе, когда избиваетъ невинное населеніе, топить женщинъ и дѣтей подводными лодками, воздушными кораблями бомбардируетъ мирное населеніе, насилуетъ женщинъ, сверхъварварски обращается съ плѣнными, пускаетъ удушливые газы, стрѣляетъ разрывными пулями, отравляетъ снаряды бактеріями гнилостнаго зараженія, считаетъ международные трактаты клочками бумаги, нещадно лжетъ и клевететъ, подкупаетъ печать и государственныхъ дѣятелей, ведетъ изощренный шпіонажъ, а его ученые, потомки Гёте и Шиллера, изощряются въ изобрѣтеніяхъ на пагубу рода человѣческаго.

Ну, какъ же не скажешь послѣ этого, что нѣмецъ не человекъ, а дѣйствительно чортъ?!

По телеграммамъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго за первые три дня ноября боевыя дѣйствія нашихъ войскъ сложились такимъ образомъ—на *Волынѣ*: въ окрестностяхъ Чарторійска у Подгорье и Медвѣжье и передъ переправами на р. Стыри ожесточенные бои, при чемъ противникъ продвинулся въ районъ восточнѣе д. Подгорье. *Близъ Двинска*, у Иллукста, наши войска овладѣли частью кладбища этого мѣстечка.

¹⁾ См. „Русская Старина“, февраль 1916 г.

На Рижскомъ районѣ: наши войска, преслѣдуя противника и нанеся ему большія потери, продвинулись къ западу отъ Кемерна; сѣвернѣе озера Кангеръ, германцы вновь потѣснены нами на 5—6 верстъ, а контръ-атака германцевъ на мызу Берземюнде была отбита огнемъ нашей артиллеріи.

Приходится опять отмѣчать высокопоучительное и интересное явленіе. Корреспонденція „Новаго Времени“¹⁾ сообщаетъ, что германцы стянули въ Рижскій районъ громадныя силы, закопались въ своихъ укрѣпленіяхъ, которыя представляли собой послѣднее слово техники. Германцы усилили свои укрѣпленія легкой и тяжелой артиллеріей, оплелись проволокой и на каждомъ пригоркѣ поставили пулеметъ²⁾. Германцы развивали также на Рижскомъ фронтѣ ураганный огонь. Все это вмѣстѣ не останавливало наступленія нашихъ войскъ на Рижскомъ фронтѣ. Ни ураганный огонь, ни пулеметы, ни ряды проволочныхъ загражденій не могли воспрепятствовать энергичному наступленію войскъ Рижскаго района.

Почему нигдѣ ни у союзниковъ, ни у насъ на другихъ фронтахъ не было подобнаго энергичнаго наступленія на такое значительное пространство противъ такихъ сильно укрѣпленныхъ позицій. Вѣдь на всѣхъ фронтахъ войска одинаковы. Войска одинаковы, а начальники разные.

Къ нашему большому удовольствію „Русскій Инвалидъ“ отъ 2 ноября 1915 г. за № 250 въ телеграммѣ министра Императорскаго Двора даетъ указаніе на имя начальника Рижскаго района. Вотъ подлинныя слова телеграммы:

„29-го октября Государь Императоръ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ прибылъ въ Ригу. Императорскій поѣздъ прошелъ на лѣвый берегъ Двины, гдѣ имѣлъ остановку въ первомъ часу дня. На платформѣ былъ построенъ для встрѣчи почетный караулъ отъ одной изъ боевыхъ кавалерійскихъ частей съ георгіевскимъ штандартомъ и хоромъ трубачей съ георгіевскими трубами на правомъ флангѣ.

Здѣсь же встрѣчалъ Государя Императора командиръ корпуса и начальникъ рижскаго укрѣпленнаго района генераль Радко-Дмитріевъ. Государь Императоръ вышелъ изъ вагона съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ въ сопровожденіи командующаго

¹⁾ „Нов. Вр.“ 1 ноября 1915 г.

²⁾ „Нов. Вр.“, 1 ноября 1915 г.

арміей генерала Горбатовскаго, который былъ принятъ Его Величествомъ съ докладомъ, на станціи Венденъ, и слѣдовалъ далѣе въ Императорскомъ поѣздѣ.

Поздоровавшись съ почетнымъ карауломъ и принявъ на лѣвомъ флангѣ ординарцевъ, Государь Императоръ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ отбылъ въ автомобилѣ черезъ городъ на поле, гдѣ были построены представители отъ частей одного изъ славныхъ боевыхъ корпусовъ, обороняющихъ Ригу. Его Величество съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ обходилъ фронтъ, здороваясь съ войсками подъ звуки встрѣчи и гимна и кликахъ „ура“; затѣмъ части, перестроившись, прошли церемониальнымъ маршемъ, слыша Царское „спасибо“. Въ милостивыхъ выраженіяхъ Государь Императоръ благодарилъ войска за геройскую славную службу. Стрѣлкамъ Его Величество сказалъ слѣдующее:

„Я счастливъ видѣть доблестныхъ представителей славныхъ сибирскихъ полковъ, которые уже въ двухъ кампаніяхъ такъ отличились. Радъ, что могъ съ Наслѣдникомъ посѣтить васъ и поблагодарить за доблестную и геройскую службу вашихъ полковъ. Передайте имъ Мой привѣтъ и надежду на побѣду надъ нашимъ сильнымъ врагомъ“.

Командующій арміей провозгласилъ „ура“ Державному Вождю. При проявленіяхъ энтузіазма войскъ, Государь Императоръ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ отбылъ съ поля“.

Повидимому ликвидація нѣмецкихъ земель начинается съ мертвой точки, такъ какъ совѣтомъ министровъ рѣшено предоставить крестьянскому поземельному банку право преимущественной покупки ликвидируемыхъ нѣмецкихъ имуществъ.

Корреспондентъ „Новаго Времени“¹⁾ Ксюнинъ талантливо описываетъ, какъ велись бои въ Рижскомъ районѣ:

Нѣмцы считали Берземюнде важнымъ пунктомъ на Двинѣ и сильно его укрѣпили.

Продольные и поперечные ряды проволоки, глубокіе окопы и надежные четырехрядные блиндажи, оплетенные колючкой подходы и установленные на возвышенностяхъ десятки пулеметовъ и орудій охраняли Берземюнде, и, по словамъ плѣнныхъ, пунктъ этотъ приказано было ни въ коемъ случаѣ не сдавать.

¹⁾ „Новое Время“, 1 ноября 1915 г.

28 октября раннимъ утромъ нашимъ стрѣлкамъ велѣли вернуться и начать наступленіе.

Замѣтивъ вышедшія цѣпи, нѣмцы открыли бѣшеный ружейный и пулеметный огонь.

Стрѣлки шли все дальше и дальше.

Они перебрались черезъ ручей, кто въ бродъ по поясъ въ водѣ, кто по нависшимъ доскамъ, уцѣлѣвшимъ отъ взорваннаго нѣмцами моста.

Ихъ осыпали градомъ пуль. Стоило двумъ-тремъ солдатамъ подняться, чтобы перебѣжать впередъ, какъ на нихъ направляли пулеметы.

Нѣмцамъ приказано было не сдавать Берземюнде, а нашимъ— велѣли его взять. Этимъ все рѣшалось.

Передніе ряды наступавшихъ нѣмцы старались поразить пулеметами, а по дальнимъ открыли огонь батареи.

Не легко было перейти ручей, а какъ оказались на той сторонѣ, пошли безудержнымъ напоромъ, добѣжали до насыпи, вскочили на бруствера и завладѣли нѣмецкими окопами. Взяты были и всѣ уцѣлѣвшіе и неподбитые пулеметы.

Большинство оборонявшихся было переколото, которые спаслись—бѣжали, прятались въ домахъ и отстрѣливались изъ оконъ и дверей.

Стрѣлки преслѣдовали нѣмцевъ по пятамъ, закидывали ихъ ручными гранатами, забирали плѣнныхъ и гнали непріятеля отъ Двины...

Къ вечеру Берземюнде было занято нашими войсками.

Нѣмцы не хотѣли сдаваться и открыли артиллерійскій огонь, давая знать, что они пойдутъ въ контръ-атаку.

Не прошло и трехъ часовъ, какъ передъ городкомъ показались нѣмецкія цѣпи. Ихъ легко разсѣяли. Первая атака окончилась.

Утромъ контръ-атака повторилась. Наша артиллерія мѣтко поражала наступавшихъ, разбрасывала колонны, не позволяя имъ приблизиться.

Передъ нашими окопами, куда только могъ достичь глазъ, лежали нѣмецкіе трупы; ихъ было много и среди нихъ въ бинокль можно было разсмотрѣть нѣсколько въ офицерскихъ шинеляхъ.

Нѣмцы въ третій разъ пошли на Берземюнде, уже подъ прикрытіемъ своей тяжелой артиллеріи.

И такъ въ теченіе дня они ходили восемь разъ. Они выпустили тысячи снарядовъ и засыпали засѣвшихъ передъ Берземюнде свинцовымъ градомъ изъ пулеметовъ и ружей.

Они пробовали подходить съ разныхъ сторонъ, пускались въ обходъ, но удачно переносившійся огонь нашихъ батарей вездѣ ихъ во-время встрѣчалъ, разсѣивалъ и отбрасывалъ. Были моменты, когда этотъ огонь достигалъ удивительнаго, небывалаго напряженія. Плѣнные сознавались, что они не могли совладать съ той страшной лавой, которая на нихъ выбрасывалась, и бѣжали, несмотря на то, что въ тылу ихъ ждали свои же пулеметы.

Я попалъ на позиціи только къ вечеру, когда по дорогѣ вели плѣнныхъ, а съ передового перевязочнаго пункта уже отправили автомобили съ ранеными.

Въ темной, низкой избѣ на лавкахъ сидѣли солдаты.

Перевязанные лежали на полу и слабо стонали. Я раздавалъ папирсы и былъ чрезвычайно изумленъ, когда кто-то сказалъ мнѣ вслѣдъ:

— Boston danke...

— Нѣмецъ?

— Онъ самый, ваше благородіе,—помогъ раненый,—ихъ тутъ нѣсколько.

И, видимо дождавшись случая, съ аппетитомъ уписывавшій черный хлѣбъ съ чаемъ, солдатъ началъ рассказывать:

— Мы деревню ихъ ночью взяли... Они думали—нашихъ одна линія, выскочили и прямо на штыки... У насъ въ запасѣ были другіе. Потомъ, какъ набрали плѣнныхъ, такъ рассказывали, что 20-го у нихъ одна рота хотѣла забастовать. Говорятъ, что, если бы вы въ тотъ день пришли, могли бы насъ брать голыми руками.

За разъясненіями обращаюсь къ перво-источнику, къ нѣмцу. Вретъ или нѣтъ, не берусь рѣшать, но отвѣчаетъ такъ:

— Измучились... намъ обѣщали, что второй зимней кампаніи не будетъ... Послѣднюю недѣлю совсѣмъ выбились изъ силъ: по ночамъ рыли окопы и ставили проволоку, днемъ сидѣли подъ огнемъ русской артиллеріи. Кормили плохо. Постоянные разстрѣлы офицерами солдатъ не прекращались.

— Про что онъ говоритъ?—интересуется солдатъ.

Объясняю.

— Про нашу артиллерію, это дѣйствительно... много намъ

помогла, только и видѣли, какъ черные столбы выбрасывало, вѣрно, ихъ хорошо засыпало.

— Они изъ деревни шибко бѣжали, — подтверждаетъ другой, — бросали ружья и сумки.

Разговаривавшій со мной нѣмецъ, чрезвычайно взволнованный, не можетъ успокоиться. Жестикулируетъ, кого-то бранить, высчитываетъ, что русскіе выпустили въ одинъ день нѣсколько тысячъ снарядовъ, и клянеть всѣхъ и вся. Его сосѣдъ съ перевязанной ногой объясняетъ, что на Двинѣ нѣмцы вообще не долго устоятъ.

— Очень сильно ваши напираютъ.

Нѣмцы довольно подержаннаго вида. Одѣты, правда, тепло, но утомленные, худые, совсѣмъ поджарые, и на прежнихъ пруссаковъ совсѣмъ не похожіе.

Девять упорныхъ, но отбитыхъ атакъ, подъ Берземюнде лучше всего говорятъ, на чьей сторонѣ сила. Плѣнные сознавались, что имъ не удалось въ этомъ дѣлѣ захватить ни одного русскаго плѣннаго“.

То ли еще можно сдѣлать съ русскимъ солдатомъ!

„Новое Время“ 1 ноября 1915 г. приводитъ замѣчательный докладъ извѣстнаго знатока Дальнаго Востока А. М. Осендовскаго, сдѣланный въ національномъ клубѣ о полувѣковой подготовкѣ Германіи къ настоящей войнѣ:

„Докладчикъ показалъ, какъ Германія руководила милитаризаціей европейскихъ государствъ, начиная съ самой франко-прусской войны 1870 г., подготовляя войну, которая должна была вспыхнуть еще въ 1910 г., но была отсрочена на 4 года потому, что Германія не вполнѣ закончила свои техническія приготвленія къ вторженію за Вислу и за Маасъ. Германское правительство уже въ 1872 г. начало мобилизацію своей промышленности, предупредивъ такимъ образомъ въ этой области союзниковъ на цѣлыхъ 43 года! 14 мая 1872 г. комиссія генерала Блюхера издала одобренный императоромъ приказъ, извѣстный лишь комиссіи и главному штабу, о томъ, чтобы „каждая фабрика, каждый заводъ, каждая мастерская и каждый единственный мастеръ обязывались по первому требованію правительства приступить къ изготовленію опредѣленныхъ количествъ необходимыхъ предметовъ военнаго снаряженія или частей его“. Въ этомъ вскрытомъ только въ іюль 1914 г. приказѣ все было предусмотрѣно до послѣднихъ мелочей. Докладчикъ набросалъ

затѣмъ поистинѣ потрясающую картину милитаризаціи и мобилизаціи всѣхъ силъ страны, всѣхъ отраслей науки, торговли, промышленности, техники и освѣдомленія, покрывшаго сѣтью своихъ учрежденій, агентуръ и т. п. всѣ европейскія государства, Америку, Японію, Китай и особенно нашъ Дальній Востокъ. Попутно докладчикъ выясняетъ роковую роль въ Россіи „двуподданныхъ“ и того по-истинѣ грознаго засилья, которое выразилось въ дѣятельности покрывшихъ всю Россію торгово-промышленныхъ учрежденій, изъ которыхъ большинство оказались такими же подвѣдомственными отдѣленіями вышеупомянутой „комиссіи ген. Блюхера“, какими были и всѣ промышленныя предпріятія въ самой Германіи. На собираемая въ Германіи время отъ времени изъ представителей германской промышленности военныя совѣщанія посылались не только доклады отъ этихъ русскихъ предпріятій, но иногда присутствовали и ихъ делегаты—„двуподданные“ русскіе!“

Докладчикъ съ документами, датами, цифрами и именами въ рукахъ показываетъ, какъ создалась германская „организація—обширная, обдуманная—методично, со всѣхъ подробностяхъ, на всѣ случайности, и какъ два поколѣнія—длинный рядъ людей—обдумывали каждый шагъ, взвѣшивали всякое мѣропріятіе для упорно подготовлявшейся ими войны“.

Результаты и сказались.

И, замѣчательно, въ то время, какъ въ Англии и Франціи, хотя и поздно, но съ самаго начала войны союзныя правительства стали принимать мѣры противъ этой универсальной германской организаціи всѣхъ силъ и средствъ страны для войны, противъ всеобъемлющаго до мельчайшихъ подробностей поставленнаго германскаго шпіонажа, въ Россіи еще и до сихъ поръ далеко еще не все сдѣлано въ этой области. И докладчикъ привелъ тому краснорѣчивыя и поразительныя доказательства.

Говорятъ, что въ Ригѣ обнаружены громадныя запасы карабиновъ Маузера, Винчестера, винтовки съ тесаками и сотни тысячъ патроновъ, а въ стѣнахъ обнаружены замуравленныя въ стѣнахъ заграничныя вина, неизвѣстно для кого предназначеныя.

Разсказывали, что нѣмецкіе колонисты, за которыхъ такъ распинался г. Керенскій, посылаютъ своихъ сыновей въ Германію для отбыванія воинской повинности и обученія, въ нашихъ

колоніяхъ сіи господа значились въ безвѣстной отлучкѣ, а затѣмъ возвращались, когда надо, обратно въ Россію.

Корреспондентъ „Развѣдчика“ Логофетъ приводитъ въ № 1304 интересный разговоръ съ германскимъ плѣннымъ:

— Давно васъ взяли въ плѣнъ—задаю вопросъ коренастому нѣмцу.

— Два дня тому назадъ случилось это несчастье... Мы ничего не могли сдѣлать, такъ какъ ваши солдаты шли какъ бѣшеные, не обращая вниманія на наши выстрѣлы.

Пристально всматриваясь въ меня, онъ замолчалъ, но черезъ минуту съ какимъ-то озлобленіемъ онъ забросалъ насъ вопросами.

— Скажите мнѣ, вы русскій офицеръ, что же это значить: мы одерживаемъ побѣды, одну за другой, но ваши не просятъ мира?... За каждой битвой слѣдуетъ другая, и ваши войска снова сопротивляются и когда мы увѣрены, что они разбиты, они вновь атакуютъ?

Развѣ не будетъ конца войны? Развѣ не переставая будетъ цѣлые годы такое кровопролитіе?

Вы сумасшедшіе или же мы слѣпые?

Страшное раздраженіе чувствовалось въ каждомъ словѣ плѣннаго, измученнаго нравственно пережитымъ.

Слава Богу, мои глаза не будутъ видѣть вокругъ потоки крови, закончилъ онъ, отворачиваясь.

Намъ рассказывали, что заводъ, изготовляющій машины Зингера въ Россіи, прекрасно исполняетъ заказы и что заводомъ управляетъ настоящій американецъ. Охотно этому вѣримъ. Но Компанія Зингера увѣряетъ въ настоящее время, что она компанія американская. Этому мы совсѣмъ не вѣримъ. И вотъ почему: американцы совсѣмъ не знаютъ Россію и мало кладутъ къ намъ своихъ капиталовъ. Другое дѣло, нѣмцы: они отлично знаютъ Россію и зингеровскими ячейками заполнили всю матушку Русь. У нихъ сотни тысячъ російскихъ комиссіонеровъ и конечно на дѣло вложены капиталы Deutcher Banc'a. Почему же, думается, эту германскую организацію до сихъ поръ не прикрыли. А потому, что компанія знаетъ, кому надо дать. Надо, конечно, теперь снабжать машинами Зингера всѣ особо почетные комитеты для работъ бѣлья на армію. Пишемъ

эту замѣтку и видимъ въ окно, какъ пріѣхали три грузовика, изъ нихъ тащутъ одну за другой зингеровскія машины, и несутъ ихъ въ складъ. И будутъ тутъ работать русскія женщины на нужды русской арміи и едва-едва зарабатываютъ себѣ на скудное пропитаніе, а громадныя прибыли отъ этихъ швейныхъ машинъ пойдутъ въ нѣмецкій банкъ. И не даромъ передъ Казанскимъ Соборомъ города высится зданіе юбераль деутшландской компаніи Зингера. Оно увѣнчано башней, попирающей нашу землю съ германскимъ орломъ, пока еще не распустившимъ своихъ крыльевъ. Неужели никто не хочетъ или не желаетъ этого понять?

Разсказываютъ, что цеппелины при ихъ полетахъ надъ Ригой изощряются почему-то метать бомбы въ дома, гдѣ живутъ русскіе и латыши, и до сихъ поръ нѣмецкими бомбами еще не раненъ ни одинъ рижскій нѣмецъ;

О прибалтійскихъ порядкахъ г. Лялинъ сообщаетъ небезъинтересныя пикантныя подробности ¹⁾:

„Бывшій уѣздный начальникъ Бредерихъ, конечно, силою сложившихся обстоятельствъ, принужденъ былъ заняться шпионажемъ и теперь играетъ видную роль въ либавскомъ бюро развѣдки. Бывшій служащій митавской управы Гюнтеръ, конечно, тоже помимо своей воли, служитъ переводчикомъ въ митавскомъ шпионскомъ бюро, а одинъ изъ стаи славныхъ Цеге-фонъ-Мантейфелей, Георгъ Мантейфель, бывшій предводитель дворянства, продолжаетъ исполнять свои обязанности въ качествѣ члена по военскимъ дѣламъ присутствія. Баронскіе замки, примолкшіе было за время войны, вновь оживились. Радужныя хозяйки привѣтливо встрѣчаютъ гостей, влюбляя въ себя похотливыхъ лейтенантовъ. Высшая честь въ этой области выпала на долю красавицы баронесы О. С., покорившей сердце самого Іоахима, эксъ-короля „Великой Латвіи“.

Итакъ, лифляндскіе бароны правы, возмущаясь гнусной клеветой, обвиняющей германцевъ въ звѣрствахъ. Они не могутъ этому вѣрить, такъ какъ звѣрства чинятъ ихъ ближайшіе родственники, стремленіе къ скорѣйшей встрѣчѣ съ которыми такъ понятно и объясняется кровными узами. Можемъ ли мы, на примѣръ, требовать, чтобы бароны Вольфы,

¹⁾ „Нов. Вр.“ 3 октября 1915 г.

Фридрихъ и Джемсъ; баронъ Бальтазаръ Кампенгуазенъ; графы Куртъ и Бернгардъ Меллинъ; Левисъ-офъ-Менаръ (владѣлецъ имѣнія „Пантенъ“); фонъ-Самсонъ-Гиммельстерна, владѣлецъ имѣнія „Сепкулъ“; Гарри Пистолькорсъ; баронъ Стаэль-фонъ-Гольстейнъ и т. д., и т. д., братья которыхъ служатъ офицерами въ германской арміи, считали этихъ братьевъ заклятыми своими врагами и стремились бы къ ихъ уничтоженію? Но изъ этого не слѣдуетъ, что мы, русскіе, должны молча смотрѣть на подобныя явленія среди русскихъ нѣмцевъ. Выходъ изъ создавшагося положенія долженъ быть найденъ. И выходъ этотъ—исходъ германофильствующихъ нѣмцевъ изъ района театра военныхъ дѣйствій“.

Было время, когда въ одной изъ воюющихъ нынѣ армій стояло лицо нещадно и подчасъ и несправедливо смѣнявшее высшихъ начальниковъ. Начальники отъ этого не становились лучше и предприимчивѣй, и конечно не проявляли никакой инициативы дѣйствій, ибо постоянно оглядывались назадъ и болѣе всего боялись не непріятеля, а высшее начальство.

Теперь сообщаютъ въ газетахъ, что самъ кайзеръ пошелъ по этой дорогѣ. Пишутъ, что въ настоящее время германскіе начальники частей находятся въ постоянномъ и крайнемъ напряженіи за дальнѣйшую свою судьбу, такъ какъ надъ замѣной одного лица другимъ долго не задумываются.

Намъ, русскимъ, теперь остается только порадоваться этому новому, воинскому обычаю, кайзера Вильгельма.

Въ „Вечернемъ Времени“ № 1290 1915 г. приведены трогательныя строки г. Ксюнина съ рижскихъ позицій подъ названіемъ „не отъ міра сего“. Вотъ эти прекрасныя мѣста:

— Вашеблагородіе, разрѣшите на перевязочный...

Офицеръ сидѣлъ надъ картой, ушелъ въ нее и не сразу понялъ, кто говоритъ.

Прошла минута, можетъ, двѣ. Потомъ опять тотъ же спокойный голосъ нерѣшительно напомнилъ о себѣ:

— Разрѣшите, ваше благородіе...

Офицеръ поднялъ голову.

— Да ты, братецъ, весь въ крови...

— Такъ точно, ранило, ваше благородіе... Дозвольте перевязаться.

И опустился на полъ.

Оказалось, шелъ три версты, раненый въ грудь и ногу.

Самъ безъ посторонней помощи. На дорогѣ хотѣли взять на повозку—не согласился.

— Не могу... Ихъ благородіе посылали на наблюдательный пунктъ—сперва доложить надо, тамъ телефонъ оборвало...

Доложилъ. А черезъ часъ на перевязочномъ пунктѣ душу отдалъ.

Я не спрашивалъ, какъ его имя. Онъ былъ въ сѣрой шинели, съ обыкновеннымъ лицомъ, съ простыми ясными глазами.

Имя его—русскій солдатъ.

Въ низкой избѣ съ чернымъ повисшимъ потолкомъ, со скрипучей дверью и запахомъ пота и печенаго хлѣба сидѣли и лежали солдаты.

Здоровые,—съ легкими ранами больнымъ никто себя не считаетъ,—сидѣли на лавкахъ и вкусно пили горячій чай. Мѣшали, ложечкой разбалтывая сахаръ и прижавъ къ груди краюшку, съ аппетитомъ рѣзали хлѣбъ.

Коротенькій, коренастый солдатенокъ съ торчащими на губѣ усами и трепанными вихрами, прожевывая, рассказывалъ:

— Взяли деревню, гдѣ нѣмцы сидѣли... Самъ видѣлъ, какъ драли—здорово. Ранцевъ и патроновъ тьму побросали.

Отхлебнулъ чаю, видитъ, что вошли въ избу новые, оглядѣлся и продолжаетъ:

— Ошиблись они,—думали, мало насъ, а задніе притаились... Ну, и наскочили на штыки. Теперь ихнимъ флагамъ не вѣрятъ... Закаялись...

Раненыхъ привозили, а больше они подходили сами. Около операціоннаго стола сестра, молодая и ловкая въ движеніяхъ (дочь губернатора Келеповскаго), развязывала тяжелаго, съ забинтованной головой. Марля намокла, и кровь алая и свѣжая, просочилась и капала на шинель.

— Вы пробрете, докторъ?

Докторъ, энергичный—изъ рижскихъ нѣмцевъ, чуть не безсмѣнно работающій со студентами на пунктѣ подъ Кекау, пошелъ осмотрѣть. Солдатъ сидѣлъ, свѣсивъ со стола ноги. Его слегка поддерживалъ санитаръ. Глаза затуманились, лицо осунулось, блѣдное. Молчитъ—ни стона, ни жалобы.

Взгляните...

На головѣ, ближе ко лбу—ранища пальца въ три шириной, черная, запекшаяся.

— Неужели выживетъ?—спрашиваю потомъ у доктора.

— Выживаютъ... Можетъ, обойдется безъ зараженія.

Перевязывали минутъ десять—слова не вымолвилъ, будто царапина на пальцѣ.

— Когда ранило?—спрашиваетъ докторъ.

— Вчера вечеромъ...

— Привезли тебя?

— Никакъ нѣтъ, самъ шелъ, версты четыре, не больше...

Уложили на носилки. Закрывъ глаза, опустилъ вѣки, тяжелыя, свинцовыя.

Вышелъ на дорогу. Отъ избы одна за другой отъѣзжали повозки съ перевязанными.

Медленно падалъ рѣдкій мокрый снѣгъ и, не достигнувъ земли, таялъ. Пахло сыростью. Пронизывала непріятная дрожь.

Не то, впереди, не то сбоку въ сторонѣ громыхало.

— Съ вечера бьетъ наша артиллерія. Ночью ходили въ атаку... Удачно...

Окончивъ работу, вышелъ докторъ, тотъ самый, что перевязывалъ голову раненому. Будто отвѣчая на мою мысль, говоритъ:

— Удивительные люди... Лучше русскихъ солдатъ, вѣроятно, нѣтъ. Сколько времени я тутъ, много народу прошло, а хоть бы кто пожаловался... Совсѣмъ особенные...

Они безыменные, они тѣ, которые прошлой осенью отражали нѣмцевъ у Варшавы, гнали ихъ до границы, которые ходили въ Восточную Пруссію, перевалили черезъ снѣговыя вершины Карпатъ, брали Львовъ и Перемышль, сидѣли въ орлиномъ гнѣздѣ—Осовцѣ, а сейчасъ загородили дорогу къ Ригѣ и Двинску.

Они—русскіе солдаты.

Имя ихъ свято, какъ свята Россія, великая и убогая, могучая и слабая, горящая маленькими огоньками передъ деревянными образами, занесенная снѣгами, затерявшаяся по проселкамъ и перелѣскамъ, раскинувшаяся отъ океана до океана.

Кто не любитъ и не плачетъ надъ ней, не радуется ея чистой радостью, кому не дороги и святость ея, и убожество, и просторъ необъятный,—тотъ не пойметъ и солдата, какой онъ есть.

— Дозвольте, ваше благородіе, на перевязку...

Исполнилъ порученіе, доложилъ, а черезъ часъ померъ“.

Хороши почтенные янки и велико ихъ самолюбіе. Германія нещадно топить американскихъ гражданъ подводными лодками, американская дипломатія пишетъ Германіи якобы грозныя посланія, на которыя Германія почти не даетъ отвѣта.

Американцы кушаютъ пощечину за пощечиной и все пишутъ и пишутъ ноты, а германцы все топятъ и топятъ американцевъ.

Корреспондентъ „Русскаго Слова“¹⁾ Иорданскій даетъ картинное описаніе современной атаки:

...Длившійся все утро медленный и рѣдкій обмѣнъ снарядами сразу перешелъ въ ураганный огонь. Раскатистые звуки выстрѣловъ и громовые удары разрывовъ смѣшались въ оглушительномъ безпорядкѣ. Звуки набѣгали одинъ на другой, сталкивались и превращались въ чудовищную дробь какихъ-то грандіозныхъ барабановъ.

Въ сосѣднихъ деревняхъ дрожали стѣны, осыпалась штукатурка, дребезжали стекла, и люди должны были напрягать голосъ, чтобы слышать другъ-друга.

Четверть часа наши батареи громили окопы противника. Затѣмъ пальба сразу оборвалась. Все замерло въ жуткой тишинѣ. Наши полки двинулись въ атаку. Начался послѣдній актъ современнаго боя—непосредственная схватка желѣза и стали съ человѣческой волей.

Передъ германскими окопами разстилалось открытое и ровное пахотное поле, на которомъ еще попадались неубранныя полосы почернѣвшихъ хлѣбовъ и картофеля. Нашимъ стрѣлкамъ нужно было пройти по полю приблизительно около версты. Но этотъ краткій путь требовалъ величайшаго напряженія воли и труднѣйшаго психологическаго преодоленія могущественнаго инстинкта самосохраненія.

Первые же шаги нашихъ полковъ вызвали непрерывный и яростный огонь нѣмецкой артиллеріи. Было три часа дня.

Каждая пять секундъ, жужжа, какъ вагоны трамвая на быстромъ ходу, пролетали тяжелые снаряды и разрывались громовыми ударами. Въ перерывахъ между ними рѣзко выла и рвалась со звонкими раскатами шрапнель.

Съ визгомъ и стономъ перекрещивались въ воздухѣ стальные осколки тяжелыхъ снарядовъ со свинцовыми пулями шрапнелей.

¹⁾ „Рус. Сл.“ 7 ноября 1915 г.

Раздавались чмокающіе хлопки разрывныхъ и мягкой свистъ обыкновенныхъ пуль.

Тяжелые снаряды падали на землю и поднимали смерчевые столбы черного дыма и густой пыли. Шрапнель рвалась на высотѣ трехъ-четырехъ сажень и оставляла блѣдно-зеленныя облака-барашки. Черный и бѣлый дымъ, темная пыль смѣшивались и клубами вились надъ землей. Все поле курилось, какъ огромное пожарище. Выстрѣлъ за выстрѣломъ и взрывъ за взрывомъ потрясали воздухъ.

Столбы дыма и пыли, громopodobные звуки, смертоносные рои осколковъ и пуль,—все это являлось результатомъ глубокаго и тонкаго расчета современной военной техники, которая стремится не только и, можетъ-быть, не столько къ физическому уничтоженію, сколько, главнымъ образомъ, къ психическому пораженію противника.

При первомъ взглядѣ на поле битвы оно представлялось непроходимымъ. Казалось, что огневая завѣса противника преграждаетъ путь, что весь воздухъ превратился въ гущу осколковъ стали и свинца, сквозь которую не проникаетъ слабое человѣческое тѣло. Казалось, что человѣческое сознание не вынесетъ непрерывнаго грома снарядовъ и навѣки померкнетъ.

Однако, по всему полю медленно, то припадая къ землѣ, то снова поднимаясь, непрерывно двигались въ волнахъ дыма и пыли сѣрыя шинели нашихъ солдатъ.

Отдѣльные люди ослабѣвали въ трудной душевной борьбѣ и искали временнаго отдыха за невѣрнымъ прикрытіемъ спѣшно набросанной кучки земли или забытаго снопа, но коллективная воля преодолевала и огневую завѣсу противника, и собственный инстинктъ самосохраненія. Полкъ шелъ впередъ и впередъ.

— Они идутъ, они идутъ!—въ какомъ-то экстазѣ молитвенно повторялъ штабной офицеръ-наблюдатель, прильнувъ головой къ борту неглубокой ямы и горящими глазами слѣдя за удаляющимися впередъ цѣпами сѣрыхъ шинелей.—Это—адъ, но они идутъ! Какая сила—человѣческая воля! Вѣдь, единственное оружіе этихъ людей—ихъ воля. Съ тѣхъ поръ, какъ полкъ перешелъ въ наступленіе, онъ уже не въ состояніи вести физической борьбы съ противникомъ,—онъ ведетъ только психическую борьбу. Эти герои проходятъ крестный путь, въ сущности говоря, безоружными, такъ какъ винтовки въ ихъ рукахъ обречены на бездѣйствіе: поле покрыто и впереди, и по сторонамъ своими цѣпами, и стрѣлять нѣтъ возможности. Ихъ оружіе—только ихъ воля къ побѣдѣ! Дѣйствительность наступленія про-

Есть здѣсь городокъ Якобштадтъ. По дорогѣ къ нему и отъ него на протяженіи тридцати верстъ лежитъ до двадцати усадебъ,—всѣ нѣмецкихъ владѣльцевъ. Право, когда видишь теперь эти нѣмецкія „усадыбы“ здѣсь и понимаешь, что эти „усадыбы“—только крохотное звено чудовищной цѣпи германскаго предательства внутри Россіи, то становится даже непонятнымъ, какъ это германцы не раздавили насъ безъ слѣда.

Всѣ эти нѣмецкія усадыбы вокругъ Якобштадта—хорошо оборудованные боевые форты, съ бойницами, съ толстенными стѣнами, съ бетонными сажеными сводами. Смотришь, и только диву даешься. И не знаешь, кого надо больше винить: нѣмецкое ли предательство, или наше російское ротозѣйство? Никому и въ голову не приходило задуматься, что это значитъ: хозяйство нѣмецъ заводилъ скромное, на участкѣ земли небольшомъ, а постройки воздвигалъ, не считаясь ни съ какими расходами. У хлѣбныхъ амбаровъ, у сѣнныхъ сараевъ, у скотныхъ хлѣвовъ стѣны ставились въ полтора-два аршина толщиной. И все изъ большихъ камней, залитыхъ цементомъ.

Хозяйскій домъ скромный, но стоялъ обязательно на возвышеніи. Изъ каждаго на всю окрестность—прекрасный наблюдательный пунктъ. Служебныя постройки раскинуты диковиннымъ образомъ. Никогда вмѣстѣ, а по всему участку въ своемъ опредѣленномъ разбросѣ: тутъ—конюшни, а сарай съ сѣномъ—на полверсты, на версту дальше, амбары—въ новомъ, третьемъ мѣстѣ. У иныхъ сараевъ наверхъ, подъ крышу, устроены широкіе въѣзды. Не деревянный помостъ, какъ приходилось видѣть обычно въ большихъ помѣстьяхъ, а сплошные, залитые цементомъ каменные откосы.

— Такая машина выдержитъ грузъ до 50—60 тысячъ пудовъ,—сказалъ при мнѣ одинъ инженеръ.

-- Любое тяжелое орудіе—навѣрное,—добавилъ артиллерійскій офицеръ.

Въѣздъ подъ крышу оканчивается опять такою же прочною площадкою на толстенныхъ сводахъ снизу: мѣсто такъ и просится подъ орудіе для обстрѣла и того, и другого берега Двины.

Скотные хлѣвы и амбары опять страннаго устройства: широченныя и высокія двери-ворота какъ будто для въѣзда громадныхъ грузовыхъ самоходовъ. По угламъ—оконца, съ толстыми амбразами: ставь пулеметы и стрѣлай на всѣ четыре стороны. Въ общемъ, готовыя, прекрасно оборудованныя прикрытія переправы черезъ Двину.

И подобныхъ „усадебъ“ по сторонамъ Якобштадта, вдоль Двины, до двадцати. Иныя изъ нихъ,—что оказались ближе къ рѣкѣ,—очень и очень пригодились и нашимъ войскамъ, когда открылась „прочность“ ихъ сооруженій, но зато другія, которыя попали въ руки германцевъ, при отобраніи стали намъ въ дорогую копеечку“.

Сынъ Бьерсона, извѣстный приверженецъ Германіи, захотѣлъ прочесть лекцію „о впечатлѣніяхъ съ 3 фронтовъ“ въ громадномъ концертномъ залѣ въ Копенгагенѣ и былъ освистанъ публикой, не дозволившей сказать ему ни одного слова. Собравшіеся громко кричали: Вашего доклада намъ не надо. Вонъ. Долой нѣмецкій наемникъ. Да здравствуетъ Данія.

Разсказываютъ о новомъ успѣшномъ способѣ наркоза, при операціяхъ, взамѣнъ хлороформа, посредствомъ ээиро-масляныхъ клизмъ.

Товарищемъ управляющаго крестьянскимъ поземельнымъ банкомъ М. И. Горемыкинымъ составлена чрезвычайно обстоятельная и жизненная записка о ликвидаціи земель нѣмецкихъ колонистовъ черезъ посредство крестьянскаго банка ¹⁾. Очень желаемъ осуществленія этого предложенія, которое правильно завершить этотъ, наболѣвшій до крайней остроты, вопросъ.

Съ очищеніемъ Балтійскаго моря отъ массы германскихъ подводныхъ лодокъ уже въ достаточной степени выяснилось, что необычайныя надежды германцевъ на сей родъ оружія значительно преувеличены. Теперь эти лодки мало нападаютъ на большія суда, а преимущественно топятъ беззащитныхъ пассажировъ. Это арена ихъ подвиговъ. Подводная лодка не можетъ дѣйствовать на малой глубинѣ, ей необходима глубина до двойной вышины лодки.

Подводная лодка заняла теперь свое мѣсто въ современной морской эскадрѣ дрендоутовъ, линейныхъ крейсеровъ и истребителей миноносцевъ.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 5 ноября 1915 г.

Командующій одной изъ дивизій на австрійскомъ фронтѣ возбудилъ черезъ свое начальство всеподданнѣйшее ходатайство о назначеніи пенсіи матери и вдовѣ священника Стефана Веремчука, о дарованіи дворянскаго достоинства его дѣтямъ, съ опредѣленіемъ ихъ на казенный счетъ въ учебныя заведенія, и объ открытіи подписки на сооруженіе памятника на его могилѣ. Поводомъ къ возбужденію этого необычайнаго ходатайства послужило слѣдующее. Священникъ о. Стефанъ Веремчукъ самоотверженно спасъ отъ внезапнаго нападенія австрійцевъ нашъ разъѣздъ, попавшій въ австрійскую засаду. На своей лодкѣ онъ отвезъ подъ выстрѣлами враговъ нашихъ солдатъ черезъ рѣку въ безопасное мѣсто. При этомъ подъ конецъ своего подвига онъ былъ раненъ пулей въ бедро, отчего онъ выпустилъ руль. Лодка была отнесена къ австрійцамъ, которые и захватили о. Веремчука въ плѣнъ. Вскорѣ до крестьянъ стали доноситься его крики. Когда на другой день австрійцы ушли изъ селенія, крестьяне нашли на мѣстѣ поста изуродованное тѣло о. Стефана Веремчука. На тѣлѣ, кромѣ огнестрѣльной раны, было нѣсколько колотыхъ; руки порѣзаны, плечи подрублены съ пересѣченіемъ ключицъ, сухожилія подъ колѣнами перерѣзаны и концы сухожилій вытянуты. Мышцы на груди, спинѣ, рукахъ и ногахъ вырѣзаны; все лицо разбито, и въ ротъ набита глина. Нашедшіе тѣло крестьяне и солдаты благоговѣнно передали его землѣ на мѣстномъ кладбищѣ.

Жизнеописаніе о Стефана Веремчука, погибшаго мученическою смертію за свою преданность родинѣ, будетъ храниться на память потомству въ Св. Синодѣ.

Ярко блистаютъ военными дарованіями у нашихъ союзниковъ французовъ имена генераловъ—Жоффра, По, Кастельно, Фома, Серрайля и Д'Амада. Петроградскому обывателю выпало на долю близко познакомиться съ ген. Д'Амада и въ одной изъ нашихъ замѣтокъ расскажемъ о томъ подробнѣй.

Нѣкоторыя изъ нашихъ деревень пріютили бѣженцовъ, которые, по условіямъ своей хозяйственной культуры, оказали въ деревняхъ самое благотворное вліяніе, какъ по устройству хозяйскаго быта, такъ и по веденію всего сельскаго хозяйства.

Въ №№ 253 и 254 „Русскаго Слова“ приведены трогатель-

¹⁾ „Нов. Вр.“ 5 ноября 1915 г.

ныя корреспонденціи, какъ встрѣчали бѣженцевъ въ самомъ нищемъ селѣ Скопинскаго уѣзда, Рязанской губерніи, и каковъ былъ пріемъ бѣженца въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ поселенія бѣженцевъ не было. Вотъ эти сказанія:

„Вослебовское приходское попечительство. Предсѣдатель—свещ. Ѳедоръ Тріодинъ,—такъ значилось въ вѣдомостяхъ скопинскаго комитета, который распредѣлилъ 7.000 прибывшихъ въ Скопинъ бѣженцевъ по волостямъ уѣзда.

Миновавъ церковь на окраинѣ села и рядъ церковныхъ домиковъ, въ которыхъ, какъ намъ сообщили, „доживаютъ“ вдовы бывшихъ вослебовскихъ священниковъ, мы свернули въ боковую улицу и подѣхали къ крохотному деревянному домику, гдѣ живетъ о. Ѳедоръ.

О. Ѳедоръ,—еще молодой человѣкъ, съ густѣйшей русой бородой и въ потертомъ подрясникѣ,—встрѣтилъ меня, нѣсколько дичась.

Но какъ только я упомянулъ о бѣженцахъ, лицо его выразило такую яркую радость, что я остановился въ изумленіи.

— Бѣженцы... — торопливо заговорилъ онъ.—Расчудесный народъ бѣженцы... Такой народъ, что я полагаю, мало гдѣ найдется подобный... Бѣженцы... Хе-хе... Н-да... Вотъ это, я понимаю, люди... Замѣчательные люди!.. Н-да, за этимъ стоитъ пріѣхать... Познакомиться съ ними... Да-съ... Это стоитъ, конечно... Вотъ за это дѣйствительно спасибо, что не забыли о насъ... Прислали намъ...

Онъ на минуту остановился и вдругъ закончилъ въ совершенно дѣтскомъ восторгѣ:

— Никогда наша деревня гостей не знала!

„Гости“. Не бѣженцы, а гости...

Такъ назвала деревня тѣхъ обездоленныхъ, которыхъ военный вихрь сорвалъ съ цвѣтущихъ усадебъ черноземной Холмщины и забросилъ за тысячу верстъ, въ скудную глушь Рязанской губерніи.

— Такъ крестьяне ваши хорошо приняли бѣженцевъ?..

Священникъ усмѣхнулся.

— Да какъ вамъ сказать: хорошо? Нечѣмъ было принять хорошо... Скучно живемъ сами... Можемъ ли мы, какъ подобаетъ, принять этакихъ людей?.. Къ большой они роскоши, конечно, у себя на родинѣ привыкли... А мы... Да сами видите...

— Но какъ же все-таки устроились у васъ бѣженцы?..

— Устроились какъ?.. Сами вотъ поглядите... Не осудите

только. Вѣдь, мы хотѣли, какъ лучше. Поздно получилъ я извѣщеніе... Собралъ сходъ.

— Такъ и такъ, молъ, ребята. Присылаютъ къ намъ бѣженцевъ. Надобно ихъ размѣстить.

Сходъ, извѣстно, что!

— Что жъ,—говорить,—присылаютъ,—и ладно.

Постановили собрать по двугривенному со двора и разошлись.

Прихожу я домой. Все раздумываю, у кого бы это поселить бѣженцевъ... Избенки, сами видѣли, у насъ не такъ чтобы очень ужъ обширныя. Своя семья влѣзетъ,— еле дверь притворишь.

Анъ гляжу, кое-кто изъ бабъ меня дожидается. Прослышали уже, сороки...

— Ты зачѣмъ?—говорю одной.

Кланяется, причитаетъ:

— Да не обидьте меня, сироту, батюшка. Сдѣлайте милость: двоихъ бѣженцевъ въ избу дайте.

— Куда тебѣ?—говорю.—У самой 8 душъ семьи. Гдѣ сами помѣстятся?

Ничего баба слушать не хочетъ.

— Отпустите, дескать, батя, двоихъ бѣженцевъ,— да и только. Другая въ одинъ голосъ тоже двоихъ требуетъ. Третья...

— Да ну васъ,—говорю.—На васъ бѣженцевъ не напасешься!..

Къ вечеру, вѣрите ли, домъ осадили... Со всей деревни бабы собрались... Воютъ... Давай имъ бѣженцевъ...

На другой день съ утра мужики приходятъ стали.

Кто двоихъ, кто троихъ спрашиваетъ.

Вижу, и впрямь раздоръ по деревнѣ пойдетъ.

А кромѣ того,—думаю,—какъ же дѣлать-то я стану семьи бѣженцевъ по-двое, по-трое въ избу? Пожалуй, раздѣляться-то самья и не захочетъ.

Объясняю крестьянамъ:

— Не лучше ли, молъ, будетъ всѣ пустующія въ деревнѣ избы для бѣженцевъ приспособить?..

Избъ пустующихъ у насъ достаточно наберется. Правда, холодныя все больше, безъ половъ. Нужно печки вывести, полы поставить... Обшить кругомъ, чтобы не дуло.

Подумали крестьяне. Видятъ,—дѣло. Такъ и порѣшили.

Ну, конечно, безъ неладовъ въ началѣ не обошлось.

Появились первыя телѣги бѣженцевъ,—наши чуть не разодрались.

Всякій норовитъ къ себѣ въ избу затащить.

Лошадей своихъ изъ сарая выгоняетъ, что́ы бѣженскихъ поставить...

Ну, да ничего... Все уладилось... Въ своихъ теперь избахъ бѣженцы живутъ... Каждая семья въ своей избѣ...

„Туда заѣзжалъ, гдѣ бѣженцевъ нема.

И яки повсюду люди добродушные, такъ даже сказать не можно!

Ѣдешь по вулицѣ, хлопчата кругомъ, якъ тѣи горобцы, свачуть и радуются:

— Бижинцы пріихали!

— А въ каждой хаты уже небезпремѣнно баба зъ ситомъ або горшкомъ выбѣгае. Только доглядай, чтобъ мѣшковъ на возу не перепутали: не насыпали бы овса въ ячмень або гороху въ картошку.

А обидать приходится въ день не меньше, какъ разовъ пять: Подъ вечеръ проситься начинаешь:

— Люди добрые, Бога побойтесь, въ горло ничего не лизе.

А они свое:

— Пайдемъ да пайдемъ похлябать!

Зайдешь въ хату,—бабъ и мужиковъ набьется со всего села. Въ одинъ голосъ просятъ:

— Зостанься, кажутъ, у насъ, бо нѣту у насъ своихъ бижинцевъ. Другимъ селамъ, кажутъ, дали, а намъ никого не дали“.

Невозможно читать газеты съ описаніемъ продѣлокъ различныхъ германскихъ акціонерныхъ, промышленныхъ и торговыхъ предпріятій безъ чувство самага глубокаго возмущенія. Положеніе, въ которомъ находятся сіи предпріятія, находится еще на болѣе мертвой точкѣ, нежели мѣропріятія о нѣмецкомъ землевладѣніи.

Благодаря измѣнникамъ россійскимъ нѣмцелюбамъ всѣ сіи предпріятія работаютъ во всю якобы для мобилизаціи россійской промышленности, а въ дѣйствительности для спасенія своей шкуры и прикрываются именами россійскихъ подданныхъ.

Неужели ни одинъ изъ членовъ нашей Государственной Думы не додумался о введеніи у насъ закона Бріана о карѣ за соучастіе въ предпріятіяхъ враждебныхъ державъ.

Въ „Вечернемъ Времени“ отъ 6 ноября приведенъ слѣдующій протестъ барона Вангенгейма противъ обвиненія въ спекуляціи германскихъ аграріевъ. Предсѣдатель союза германскихъ сельскихъ хозяевъ баронъ Вангенгеймъ напечаталъ въ газетѣ „Tag“ протестъ противъ обвиненія аграріевъ въ спекуляціи, но призналъ фактъ скупки, который онъ неожиданно для всѣхъ объясняетъ такъ: „Въ маѣ 1914 года (за три мѣсяца до войны!)—разоблачаетъ бар. Вангенгеймъ,—имперскій канцлеръ созвалъ на тайное совѣщаніе всѣхъ крупныхъ представителей аграріевъ и заявилъ имъ, что война неминуема и что необходимо немедленно же приступить къ закупкѣ возможно большихъ запасовъ хлѣба и муки, ибо Германія будетъ блокирована и отрѣзана отъ всего міра. Это сообщеніе канцлера произвело чрезвычайное впечатлѣніе на всѣхъ участниковъ совѣщанія. Неудивительно поэтому, что, узнавъ отъ правительства о критическомъ положеніи момента и о неминуемости войны, они немедленно начали собирать и скупать зерно, муку и т. п.“.

Заявленіе барона Вангенгейма произвело сильное впечатлѣніе на общественное мнѣніе въ Германіи, показавъ всѣмъ, что источникъ нынѣшней спекуляціи лежитъ въ правительственной политикѣ, предвидѣвшей задолго до войны выступленіе всей Европы противъ Германіи.

Для Европы же и для всего цивилизованнаго міра неожиданное разоблаченіе барона Вангенгейма цѣнно, какъ новое лишнее доказательство виновности Германіи въ катастрофѣ, вызвавшей міровую войну.

7—10 ноября. Австро-венгерской арміи уже не существуетъ: вся она перекроена германцами на германское пушечное мясо. Австрійскіе высшіе начальники замѣнены, по большей части, германскими, а у тѣхъ австрійскихъ начальниковъ, которые еще стоятъ во главѣ своихъ частей, состоятъ въ видѣ совѣтниковъ германскіе офицеры; австрійскимъ начальникамъ нельзя ни въ чемъ перечить этимъ офицерамъ, поступки противъ ихъ совѣтовъ грозятъ австрійцу неминуемой смѣной. Германцы не жалѣютъ австро-венгровъ и охотно ихъ посылаютъ на убой и въ случаѣ заминки наступленія подбадриваютъ ихъ сзади орудійнымъ и пулеметнымъ огнемъ.

Понятно, что порядки эти не очень по сердцу австрійцамъ, а въ особенности, отличающимся особымъ гоноромъ венгерцамъ.

Петроградское телеграфное агентство ¹⁾ сообщает, что попавшіе въ плѣнъ къ германцамъ уполномоченные русскаго Краснаго Креста Арнольди, гр. Армфельдъ и Гринвальдъ освобождены германскимъ правительствомъ и выѣхали изъ Берлина.

Россійскія имена, добавимъ мы къ этому.

Разсказываютъ про одного сибирскаго стрѣлка штабсъ-капитана Э. которому передъ войной отрѣзали отмороженную ногу и замѣнили ее искусственной. Служить въ строю ему не приходилось и передъ походомъ онъ былъ оставленъ въ распоряженіи воинскаго начальника. Офицеръ желалъ идти въ бой, и исхлопоталъ себѣ командировку въ родной полкъ и тамъ уприсялъ его назначить полковымъ адъютантомъ и вѣдиль въ бояхъ верхомъ, передавая подъ огнемъ приказанія.

При недостаткѣ офицеровъ шт.-кап. Э. уприсялъ дать ему роту, которой командовалъ, вѣдя верхомъ Участвовалъ съ отличіемъ въ бояхъ. Былъ раненъ въ здоровую ногу, остался въ строю. Былъ страшно контуженъ въ голову и туловище и теперь оправился, собирается опять вѣхать въ бой въ родной полкъ. И такихъ воякъ великое множество.

„Русское Слово“ въ телеграммѣ изъ Парижа отъ 8 ноября передаетъ: „Константинополь готовится къ встрѣчѣ кайзера.

Энверъ-паша распорядился соорудить триумфальную арку.

Изъ Берлина наѣхало много кинематографщиковъ, которымъ поручено изготовленіе фильмъ въ назиданіе германскому обществу.

Изъ достовѣрнаго источника сообщаютъ, что кайзеръ обратится ко всѣмъ мусульманамъ съ манифестомъ, который будетъ обнародованъ въ султанскомъ дворцѣ“.

Петроградскому обывателю путешествіе сіе представляется мнѣническимъ.

Разсказываютъ, что въ Харьковѣ въ Сабуровской больницѣ свирѣпствуетъ старшій врачъ Ферхманъ, который систематически изгоняетъ все русское. Въ больницѣ изъ состава врачей: 17 нѣмцевъ, изъ нихъ 16 германскихъ подданныхъ, а остальные разныхъ національностей, но—ни одного русскаго, вся

¹⁾ „Нов. Вр.“ 8 ноября 1915 г.

служащая администрація также стала изъ нѣмцевъ и колонистовъ. Всѣ поставщики въ больницу разныхъ продуктовъ оказались только изъ нѣмцевъ. Наступила война, въ больницу открылись лазареты для раненыхъ, принимали только плѣнныхъ австрийцевъ, и только вслѣдствіе ряда скандаловъ, начали принимать и русскихъ, но какъ ихъ содержать—это видно изъ того, что въ нынѣшнемъ году эти русскіе подали прошеніе, чтобы ихъ кормили такъ же, какъ нѣмцевъ. Былъ случай, что 48 раненыхъ всю ночь провели у больницы и не были приняты, пока за нихъ не вступилась собравшаяся толпа народа ¹⁾.

Въ настоящее время сербскій народъ и сербская армія, подавленные превосходными силами дикихъ полчищъ тевтоновъ, венгровъ и подлыхъ измѣнниковъ болгаръ, изнемогаютъ въ неравной, доблестной, борьбѣ. Въ тяжелую годину великихъ испытаній, малый числомъ, но высокій духомъ сербскій народъ проявилъ во всѣхъ его сынахъ такую высокую нравственную силу и такое величіе во всѣхъ его дѣяніяхъ, что эти дѣянія станутъ впоследствии высокопоучительными историческими событіями для всѣхъ народовъ.

Всѣ представители доблестнаго сербскаго народа отъ мала до велика: и престарѣлый герой король Петръ, и Царевичъ Александръ, и умирающій высокоталантливый воевода Путникъ, и высокій патриотъ предсѣдатель сербскаго кабинета Пашичъ, и каждый сербскій воинъ и гражданинъ, и посланникъ отъ доблестной Сербіи въ Петроградъ Сполайковичъ, всѣ они въ это тяжкое время вели себя героями и передъ ихъ величіемъ нельзя не преклониться.

Злодѣянія, которыми отличаются тевтоны, венгры и болгары въ Сербіи, блѣднѣютъ даже передъ изувѣрствами въ Бельгіи.

Въ концѣ прошлаго мѣсяца подъ Двинскомъ при морозѣ 7—8° R., около 12 часовъ дня на высотѣ 2.000 метровъ, появился германскій альбатросъ. Эскадра нашихъ аэроплановъ ринулась атаковать альбатросъ и заманила его подъ выстрѣлы нашей артиллеріи, и заслоняла ему дорогу къ своимъ.

По словамъ „Русскаго Слова“ ²⁾, дѣло происходило такъ: „Когда альбатросъ замѣтилъ маневръ нашихъ летчиковъ, отступленіе по кратчайшему пути было для него уже невозмож-

¹⁾ „Нов. Вр.“ 10 ноября 1915 г.

²⁾ „Русск. Сл.“, 10 ноября 1915 г.

нымъ. Управлявшій имъ пилотъ сталъ искать кругового пути, стремясь вырваться изъ смыкавшагося вокругъ него кольца. Вскорѣ, повидимому, онъ заблудился. Альбатросъ не только ушелъ слишкомъ далеко отъ линіи, раздѣлявшей враждующія арміи, но и, держась все на той же высотѣ, сталъ кружиться надъ мѣстностью, даже не входившей въ сферу боевыхъ столкновеній.

Покружившись тамъ около получаса, альбатросъ, за которымъ наблюдала вся армія, сталъ планировать и вскорѣ опустился среди кустовъ и болотъ. На поиски его отправились команда самокатчиковъ и казачій разъѣздъ. Нашли аэропланъ лишь черезъ полтора часа. Альбатросъ стоялъ совершенно невредимымъ, но сидѣвшіе въ немъ летчикъ и наблюдатель были мертвы. Какъ оказалось, они оба замерзли. Смерть застигла летчиковъ, повидимому, уже на землѣ, иначе трудно представить, чтобы аэропланъ съ мертвыми сѣдоками могъ спланировать такъ удачно и невредимо.

Въ кругу нашихъ летчиковъ по этому поводу высказываютъ слѣдующее, единственно допустимое предположеніе:

Такъ какъ внизу, на землѣ, морозъ достигалъ 7° , то, принимая во вниманіе, что на каждые 100 метровъ высоты приходится градусъ пониженія, температура на той высотѣ, которой держался альбатросъ, была не менѣе 28-ми градусовъ мороза, дѣйствіе котораго въ полетѣ еще значительно усиливалось.

У одѣтыхъ лишь сравнительно тепло летчиковъ, вѣроятно всего, замерзли руки. Начавъ уже коченѣть, пилотъ приступилъ къ планированію и смогъ еще довести аппаратъ до земли, но уже развязать ремни, которыми они были привязаны къ сидѣніямъ альбатроса, ни летчикъ, ни наблюдатель не смогли. Въ концѣ-концовъ, обмерзшія легкія уже перестали поддерживать своей работой энергію сердца. Летчики умерли отъ сердечнаго паралича. Трубки маслопроводовъ и бензиновыхъ путей были покрыты слоемъ инея, радиаторъ обледѣнелъ, но самый аппаратъ стоялъ совершенно невредимымъ“.

11—20 ноября. Во всѣхъ газетахъ появляются корреспонденціи съ описаніемъ прекрасной и неутомимой дѣятельности питательнаго пункта члена Государственной Думы В. М. Пуришкевича.

Г. Петровъ разсказываетъ въ „Русскомъ Словѣ“ ¹⁾ о тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находятся нѣкоторыя мѣста Прибалтійскаго края, такъ:

„По всей округѣ исчезли мясо, хлѣбъ, сахаръ. Нигдѣ не достать стало ни лошади, ни ѣды. Кругомъ мызы и усадьбы мѣстнаго богатѣя-барона полны его слугъ и арендаторовъ. Они живутъ, сыты и довольны, есть у нихъ и газеты, и чай, и кофе, а проходятъ наши войска,—ни за какія деньги не достать ничего. Вездѣ одинъ отвѣтъ:

— Нѣтъ ничего, сами голодаемъ.

Стали, наконецъ, искать,—нашли погреба и подвалы полными всякою-всячиною. Въ глухихъ мѣстахъ по лѣсамъ находили и скотъ, и лошадей. Обращались проходившія войска съ вопросами о дорогахъ,—въ отвѣтъ качаніе головою:

— Не понимай... Мой нѣтъ понимай.

Кругомъ все было насыщено германизмомъ. Солдаты съ досадою говорили:

— Вотъ тебѣ и русская земля,—одно нѣмецкое болото: куда ни ступишь,—нѣметчина, какъ ржавая вода, такъ и протупаетъ.

Волей-неволей пришлось осушать нѣмецкое „болото“ кругомъ русской боевой линіи“.

Изъ политическихъ дѣятелей нашихъ союзниковъ на цѣлую голову выше другихъ выдѣляются двѣ личности: во Франціи главы правительства Аристида Бриана и въ Англии ведущаго дѣла снабженія арміи Ллойда-Джоржа. Ихъ дивные таланты, необычайная энергія и изумительная трудоспособность творятъ чудеса.

Еще до настоящаго вступленія въ управленіе французскимъ кабинетомъ Брианъ свершилъ во Франціи два удивительныхъ дѣла—онъ одинъ, во всемъ мірѣ, своимъ могучимъ умомъ, сразу прекратилъ забастовку французскихъ желѣзныхъ дорогъ и своимъ закономъ о наказуемости за участіе въ предпріятіяхъ враждебныхъ государствъ также сразу прекратилъ существованіе самыхъ нѣмецкихъ засилій во Франціи.

Представителями спокойной и разсудительной политики въ Англии являются Аксвиль и сэръ Эдуардъ Грей.

¹⁾ „Русское Слово“, 11 ноября 1915 г.

Г. Смоляниновъ въ „Новомъ Времени“¹⁾ ярко отѣняетъ, какъ сохраняется „Ликъ Божій“, во время самой яростной, нѣмецкой бомбардировки д. Гралево:

„Отъ костела остались однѣ стѣны. Крыша сгорѣла, желѣзные балки, скрюченныя, обожженныя, лежатъ на полу, среди обгорѣлыхъ обломковъ люстръ и какихъ-то пластинокъ; въ выгорѣвшей исповѣдальнѣ отъ этого убранства остались однѣ пружины отъ сидѣнья кресла... Рѣшетка алтаря разбита въ куски, сверкающіе позолотой, среди толстаго слоя копоти и кирпичной пыли... Расписныя стѣны осыпались и отъ строгаго готическаго узора нѣтъ и тѣни воспоминанія: видна только голая дрань, съ обугленными концами.

Но фрески, съ изображеніемъ евангелистовъ, остались невредимы. Ни одной царяпины осколкомъ, ни одного вылуценнаго взрывомъ куска и вдохновенные лики хранителей Слова по-прежнему кротко и вдумчиво глядятъ передъ собой, вглубь поруганнаго храма.

Рядомъ съ костеломъ капища. Тяжелый снарядъ ударился въ стѣну, у самаго фундамента. Пробылъ насквозь полуторааршинную кладку и разорвался внутри. Слѣдъ разрыва отчетливо виденъ на каменномъ полу. Осколки разлетѣлись во всѣ стороны. На стѣнахъ отъ нихъ нѣтъ живого мѣста. Всюду видны ихъ характерныя „брызги“, въ видѣ глубокихъ бороздъ въ толщѣ уцѣлѣвшей штукатурки.

Осколками сбиты иконы, лампы, изуродованы высокіе подсвѣчники, изломана рѣшетка алтаря. Около него эти брызги особенно густы. Вся штукатурка изодрана ими. И въ этомъ адскомъ потокѣ—совершенно невредимымъ остался и большой черный крестъ, и золоченая фигура Распятаго, пригвожденнаго къ кресту.

Сюда—ни одной царяпины, ни одного мельчайшаго осколка“.

Рижскія газеты сообщаютъ, что на время войны высланы въ Иркутскъ слѣдующія лица: членъ городской управы Н. фонъ-Клодтъ, бывший рижскій уѣздный начальникъ фонъ-Жилинскій, опекальнскій пасторъ К. Трей и проповѣдникъ баптистовъ І. Фрей. Арестованы руенскій пасторъ Беръ и врачъ при вольмарской воинской комиссіи фонъ-Лутцау.

По словамъ газеты „Postimes“, въ Иркутскую область высланъ также бывший членъ Гос. Думы О. Бракманъ.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 14 ноября 1915 г.

По сообщенію газеты „Dzintenes Wehstnesis“, на время военных дѣйствій въ Иркутскѣ еще высланы слѣдующіе видные нѣмцы: лифляндскій баронъ Вольфъ, эстляндскій дворянинъ Фонъ-Сиверсъ, однофамилецъ высланнаго наканунѣ владѣльца имѣнія „Зербенъ“, со всѣмъ семействомъ, инженеръ Арно Вольфъ, прис. пов. Гуго Гебель и ревельскій бюргеръ Г. Лаутманъ.

Въ хроникѣ выѣхавшихъ 16 ноября изъ Петрограда значатся: „Уполномоченный россійскаго общества Краснаго Креста камергеръ Г. Г. Лерхе, членъ Г. Совѣта Дитмаръ, членъ Г. Думы Энгельгардтъ“.

„Вечернее Время“¹⁾ сообщаетъ, что на громадной патриотической манифестаціи въ Лондонѣ членъ антигерманской лиги Ричардъ Гловардъ вынесъ слѣдующую резолюцію:

„Единственными условіями мира для союзниковъ могутъ быть лишь тѣ условія, которыя будутъ продиктованы германцамъ въ Берлинѣ и которыя потребуютъ расчлененія германской имперіи на отдѣльныя государства, при чемъ династія Гогенцоллерновъ будетъ низложена“.

Пріѣзжіе изъ Прибалтійскаго края рассказываютъ, что всѣ высланные въ Сибирь бароны и пасторы были виднѣйшими дѣятелями Дейчеръ Ферейна и что теперь выдвигается вопросъ, куда дѣвались капиталы этого Ферейна и что въ настоящее время г.г. прибалтійцы отхлынули изъ своего края въ Петроградъ, дабы тамъ усиленными хлопотами и связями помочь положенію своего дѣла.

Въ Прибалтійскомъ краѣ неотложно назрѣваетъ вопросъ о реформѣ Евангелической церкви. Въ своемъ краѣ мѣстные бароны имѣли права римскаго папы. Это право помѣщиковъ-бароновъ назначать пасторовъ (право патронатства). Конечно, пасторами назначались исключительно нѣмцы. Нѣмцами же состояли всѣ члены консисторій и генераль-суперинтенденты (епископы). Когда многихъ изъ сихъ проповѣдниковъ германизма услали въ Сибирь, то значительная часть мѣстнаго населенія, лютеранскаго вѣроисповѣданія, латыши и эстонцы оста-

¹⁾ „Веч. Вр.“, 18 ноября 1915 г.

лись безъ пасторовъ. Какъ тутъ быть теперь. Согласятся ли г.г. прибалтійцы сажать туда не нѣмцевъ. Вѣришь, что необходима настоящая реформа мѣстнаго прихода.

Ну мыслимы ли права римскаго папы у російскаго помѣщика? Какія наглыя права захватили въ свои цѣпкія руки г.г. прибалтійцы.

Интересный случай подбитія альбатроса описывается г. Верховскимъ въ № 271 „Русскаго Слова“ 1915 г.

„Нѣмецкій альбатросъ былъ подбитъ снарядомъ нашей шрапнели.

Что именно было повреждено въ аппаратѣ,—узнать было нельзя, но видно было, какъ тотчасъ послѣ разрыва снаряда „нѣмецъ“ выключилъ моторъ и сталъ стремительно планировать въ чертѣ расположенія нашихъ войскъ, уже, очевидно, не заботясь о выборѣ наилучшаго мѣста для спуска.

Сперва прорѣзывавшій стрѣлой далекую синеву осенняго неба, альбатросъ вскорѣ попалъ на фонъ наползавшей синелиловой тучи и вдругъ вспыхнулъ, какъ факель.

За нимъ, еще маленькимъ, не вполне отчетливо виднымъ, сразу потянулась густая и длинная полоса чернаго дыма.

Казалось, чья-то огромная рука зажженнымъ свѣтильникомъ чертила на темномъ фонѣ наползавшей тучи знаки непонятнаго, таинственнаго, но уже неумолимо роковаго.

Пылающій факель бросался изъ стороны въ сторону зигзагами, спиралями, кругами.

Быть-можетъ, онъ сталъ уже неуправляемымъ. Быть-можетъ, летчикъ, въ гондолу котораго сѣлъ новый пассажиръ—смерть, пытался послѣдними доступными ему усиліями загасить разраставшееся пламя.

Безспорно, такая борьба была: альбатросъ безвольно упалъ среди нашихъ войскъ, когда былъ уже совсѣмъ низко надъ землею.

И послѣ грохота аваріи послышался дикій, нечеловѣческій крикъ двухъ голосовъ: одинъ, грубый, низкій, кричалъ что-то отрывисто, словно задыхаясь; другой, тенороваго тембра, кричалъ только одно, но непрерывно, съ напряженіемъ безнадежной муки и отчаянія:

— А-а!.. А!.. А-а-а!!

Подбѣжать къ заживо сгорѣвшимъ успѣли, но спасти ихъ уже не могли. Къ аппарату, почти закрывшему погибавшихъ

своими обломками, подступить было невозможно: бушевавшее пламя окружило со всѣхъ сторонъ.

Пробовали протянуть въ огонь жерди, пики. Было видно, какъ хватались за нихъ обожженные до черноты руки, и тогда весь костеръ шевелился, трепыхался, но и только...

Летчики были привязаны крѣпкими, еще не успѣвшими перегорѣть ремнями.

Зрѣлище было потрясающе тяжелымъ. Выдержать его, пожалуй, и могли только закаленные въ бояхъ, не разъ смотрѣвшіе въ лицо смерти.

Но и они не выдержали, когда вдругъ умолкъ высокій, вѣроятно, совсѣмъ еще юный теноровый голосъ, и послѣ маленькой паузы послышался вопль того же тенороваго тембра:

— Русси, русси! Возьми мой!..

Словно по приказу, всѣ бросились къ костру.

И, словно ожидая того, рухнули горѣвшія плоскости аппарата, и остовъ его превратился въ сплошной костеръ.

Голоса умолкли. Слышались только гулъ горѣвшаго бензина, металлическій трескъ и какое-то ужасное шипѣніе.

Черезъ нѣсколько минутъ костеръ погасъ. Поползли по землѣ и разсѣялись послѣдніе хлопья черного дыма.

На небольшомъ выжженномъ кругу лежали безформенная груда металлическихъ частей, деформированный моторъ, нѣсколько скрученныхъ въ спирали проволокъ...

И два почти обгорѣлыхъ черныхъ скелета.

Только на одномъ изъ нихъ уцѣлѣлъ кусокъ ноги съ тлѣвшимъ еще сапогомъ, шипѣвшій и урчавшій, какъ поджаренное мясо, и чадившій ужаснымъ смрадомъ горящаго тѣла“.

21 ноября. Приѣзжающіе съ фронта офицеры удивляются множеству въ Петроградѣ заячьихъ душъ. Нѣтъ такой пакости и гадости, которой бы эти подлые душонки не измыслили. Преклоненіе передъ всѣмъ нѣмецкимъ и умаленіе всего россійскаго, извращеніе истины, самые нелѣпыя слухи — это обыкновенное времяпрепровожденіе этихъ гадовъ. Немудрено, что при столкновеніи съ ними человѣка, видѣвшаго передъ собой настоящую, боевую, дѣйствительность, становится тошнительно.

Недавно и петроградскому обывателю пришлось услышать нѣсколько подобныхъ заячьихъ изліяній: это было во время перерыва одного изъ ученыхъ собраній. Подошелъ ко мнѣ одинъ, шапочно знакомый сановникъ, весь пропитанный благо-

уханіями германской культуры. Сановникъ, завсегдатай ученыхъ собраній, и очень замѣтный по оригинальной шевелюрѣ сѣдыхъ волосъ.

— Какъ подняла война религіозное настроеніе, началъ онъ свой разговоръ.

— Да, это сказалось особенно сильно во Франціи,—былъ отвѣтъ петроградскаго обывателя.

— Нѣтъ, нѣтъ, это не то. Вотъ вы посмотрѣли бы, какъ велико это настроеніе въ Германіи. Я видѣлъ тамъ кирки, переполненныя молящимися, и такъ молятся усердно, какъ не молятся у насъ.

— Можетъ быть, что германцы усердно молятся, но въ то же время совершаютъ ужасныя звѣрства, избиваютъ невинное населеніе, топятъ женщинъ и дѣтей подводными лодками, избиваютъ мирное населеніе бомбами съ аэроплановъ, пускаютъ удушливые газы, стрѣляютъ разрывными пулями и пр.

— Германцы поступаютъ такъ на основаніи законовъ войны, которые требуютъ, чтобы возможно болѣе было убито людей.

— По нашему воинскому разумѣнію,—возразилъ обыватель, надо у противника болѣе вывести изъ строя людей и нѣтъ необходимости, чтобы всѣ были убиты.

— Нѣтъ, нѣтъ, надо, чтобы больше было убито и совершенно все равно, изувѣчено ли германской шрапнелью, разрывной ли или отравленной пулей.

Разговоръ пришлось прикончить словами, что очень странно слышать отъ русскаго человѣка тѣ слова, которыя говорятъ уже давно озвѣрѣлые нѣмецкіе плѣнные.

— Развѣ Вы не слышали, что нѣмцы взяли Ригу?—увѣряетъ обывателя одна молодая дама изъ общества.

— Нѣтъ, не слышалъ.

— Да это вѣрно. Мнѣ это рассказывала моя горничная, которая ѣхала въ трамваѣ и слышала это тамъ отъ военныхъ людей.

Разговоръ прерываетъ ее мужъ.—Все это вранье,—говоритъ онъ. Если бы было это такъ, то мнѣ было бы это скорѣй извѣстно, нежели кому другому.

Дама не успокаивается и запальчиво говоритъ. Ахъ! какая геніальная личность этотъ Вильгельмъ!

Господинъ, стоящій у источниковъ, увѣряетъ обывателя, что онъ знаетъ, что Кеммернъ взятъ; что запасы гдѣ-то потонули, а изготовленіе какой-то части сдѣлано изъ мягкаго металла и пр. и пр. и пр.

Наполеону далеко до Вильгельма, говорила обывателю одна пожилая дама тоже изъ общества.

22 ноября. Какую стойкую борьбу съ нѣмецкимъ засильемъ ведетъ талантливый редакторъ „Вечерняго Времени“ Б. А. Суворинъ. Сколько разныхъ гоненій и матеріальнаго ущерба пришлось претерпѣть этому энергичному человѣку. И сколько свершилъ онъ добра для войскъ, энергичной организаціей и посылкой подарковъ. Да и не однимъ только войскамъ. Сколько помощи семьямъ призванныхъ на войну щедро оказываетъ редакція „Вечерняго Времени“.

Въ дѣлѣ посылки подарковъ для войскъ и борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ энергично работаетъ также и редакція „Новаго Времени“.

Такъ ли поступаютъ съ нашими нѣмцами остальные, богатыя, изданія.

Сколько несутъ они своихъ долей изъ своихъ громадныхъ прибылей на алтарь отечества?

23—30 ноября. Недавно состоялось распоряженіе о закрытіи въ Россіи ордена іоаннитовъ. Въ настоящее время орденъ этотъ германскій,—лютеранскаго вѣроисповѣданія и гроссмейстеромъ его состоитъ императоръ Вильгельмъ, который во время торжественныхъ собраній прикосновеніемъ меча посвящаетъ новыхъ рыцарей ордена, послѣ произнесенія ими рыцарской клятвы.

Для принятія въ число рыцарей необходимо, чтобы зачисляемый былъ лютеранинъ и насчитывалъ не менѣе 16 предковъ дворянъ той же религіи. Такимъ условіямъ вполне удовлетворяютъ множество родовъ прибалтійскихъ бароновъ. Они этимъ очень кичатся. Поэтому-то много прибалтійцевъ состоитъ въ рядахъ іоаннитовъ и не малое ихъ число служащихъ въ Петроградѣ состоятъ рыцарями этого ордена.

Совершенно ясно, что такіе г.г. іоанниты подлежатъ исклю-

ченію съ русской государственной службы, разъ ихъ грессмейстеромъ состоитъ нѣмецкій кайзеръ, а не Россійскій Императоръ.

Очень интересна рѣчь, произнесенная въ германскомъ рейхстагѣ Бетманомъ-Гольвегомъ. Г. имперскій канцлеръ называлъ веденіе войны Германіей оборонительной войной. „Какъ на востокѣ, такъ и на западѣ наши нынѣшніе противники впредь не должны располагать воротами для вторженія въ Германію“— т.-е. Польшей и Бельгіей и „мы должны обезпечить свое экономическое развитіе“.

Такъ вотъ какіе аппетиты обнаруживаетъ г. имперскій канцлеръ. Не слишкомъ ли рано ставить ваши условія.

Газеты переполнены корреспонденціями о успѣшномъ наступленіи въ Рижскомъ районѣ. Германцы тутъ настроили четырехъ-рядные окопы, сплетая ихъ на десятки верстъ проволокой и уставивъ на всѣхъ возможныхъ подступахъ пулеметы. Ничто не могло удержать нашего наступленія. Наша артиллерія засыпала нѣмцевъ тяжелыми и легкими снарядами. Наша пѣхота и латышскія части свершали чудеса храбрости.

Наша пѣхота пошла на Кеммернъ при поддержкѣ эскадры, бомбардировавшей его съ моря.

Первой ворвалась въ Кеммернъ одна рота латышскаго стрѣлковаго батальона. Рано утромъ латышскіе стрѣлки, хорошо знавшіе эту мѣстность, пробрались близко къ непріятельскимъ окопамъ и съ крикомъ „ура“ бросились на нѣмцевъ. Появленіе нашихъ было для нѣмцевъ такъ неожиданно, что они совершенно растерялись.

Наши смѣльчаки перекололи часть растерявшихся нѣмцевъ и часть взяли въ плѣнъ. Пятидесяти нѣмцамъ удалось бѣжать. Вскорѣ на помощь латышскимъ стрѣлкамъ подошли другія наши части, и Кеммернъ былъ занятъ.

Нѣмцы, видимо, чувствовали, что не смогутъ удержать за собой позиціи у Кеммерна, такъ какъ немедленно начали отступать, какъ только завязался бой у станціи „Кеммернъ“.

Отступленіе нѣмцевъ было очень поспѣшнымъ и мѣстами носило характеръ паническаго бѣгства. Доказательствомъ поспѣшности ихъ отступленія и растерянности можетъ служить то обстоятельство, что въ помѣщеніи нѣмецкаго штаба въ Кеммернѣ было найдено много важныхъ бумагъ, писемъ.

При отступленіи имъ пришлось бросить много провизіи, оружія и даже нѣсколько ящиковъ со снарядами. Во многихъ домахъ были найдены сапоги и прочія принадлежности туалета. Нѣмцамъ пришлось бѣжать въ чемъ попало. На улицахъ и на дворахъ находили зарѣзанныхъ свиней и коровъ, съ которыхъ не успѣли снять шкуръ.

Занятые нѣмецкіе окопы оказались переполненными и чего только тутъ не было:

Теплыя одѣяла, ручныя гранаты, винтовки Маузера, масса амуниціи и запасовъ: кислая капуста, окорока, даже живая, перевязанная за ноги, птица.

Въ то самое время, когда велось наступленіе по фронту Рижскаго района, подъ Шлокомъ донская казачья дивизія прорвалась въ тылъ германцевъ на 70 верстъ и, уничтоживъ въ германскомъ тылу массу обозовъ, благополучно вернулась обратно ¹⁾.

О разсматриваемыхъ дѣйствіяхъ на Рижскомъ районѣ корреспондентъ „Новаго Времени“ ²⁾ пишетъ такъ:

„Доблестный генераль, гроза турокъ и австрійцевъ, проникаетъ въ самую глубину замысловъ тевтоновъ и портитъ имъ не мало крови своими контръ-атаками, тѣми ударами „на-короткѣ“, которые такъ не по вкусу избалованнымъ успѣхомъ германцамъ“.

Корреспонденціи съ театра войны и рассказы пріѣхавшихъ съ фронта офицеровъ отмѣчаютъ удачныя боевыя дѣйствія двухъ генераловъ, съ искрой Божьяго дарованія: въ Волыни, на р. Стыри, генерала Д. и на Двинскомъ фронтѣ генерала М., доставлявшаго не мало неприятностей германскому генералу Моргену.

Съ пятого ноября по конецъ мѣсяца военныя дѣйствія протекали такимъ образомъ: на *Рижскомъ фронтѣ*: германцы потѣснены у Шулькарна, а затѣмъ повели атаку на Олай и были отбиты, пошли на Кеммернъ, были отбиты, пытались переправиться черезъ Двину у Иксюля и потерпѣли неудачу, наконецъ взяли у насъ мызу Берземюнде, хотя и удалось намъ овладѣть этой мызой обратно, но у Берземюнде завязались упорныя бои.

¹⁾ „Нов. Вр.“. № 14265.

²⁾ „Нов. Вр.“, 18 ноября 1915 г.

На Двинскомъ фронтѣ. Въ районѣ Поневѣжской ж. д. у оз. Свентенъ, въ районѣ Иллуkste у Шишкова мы продвинулись впередъ и всѣ попытки германцевъ взять эти позиціи были безуспѣшны, а равно и попытка германцевъ переправиться черезъ Двину у Фридрихштадта.

На среднемъ фронтѣ. У Невеля наши партизаны взяли въ плѣнъ начальника и штабъ 82 германской дивизіи.

На Волынскомъ фронтѣ шли бои съ переменнымъ успѣхомъ на р. Стырѣ въ районѣ Рафаловки и Чарторійска у Подчеревичей и Козлиничей.

Въ Галиціи и Буковинѣ попытка противника наступать въ районахъ Тарнополя, Трембовля, Семиковицы и Бучача были отражены.

26 ноября въ присутствіи Державнаго Верховнаго Главнокомандующаго въ царской ставкѣ, въ день Георгіевскаго праздника состоялось молебствіе, парадъ и завтракъ представителямъ отъ частей Дѣйствующей Арміи.

Какую трогательную картину изображаетъ г. Солянинъ въ № 268 „Русскаго Слова“.

Мы вышли съ сестрой изъ санитарнаго поѣзда.

За желѣзнодорожной линіей стоялъ зеленой стѣной сосновый боръ.

Вдоль опушки выстроились въ нѣсколько рядовъ бѣлые некрашенные кресты—скорбные памятники послѣднихъ славныхъ боевъ подъ Чарторійскомъ.

— Должно-быть, кого-то хоронять,—кивнула моя спутница на группу людей, столпившихся на ближнемъ краю кладбища. Поспѣшили присоединиться къ собравшимся.

Солдаты молчаливо работали надъ раскопкой братской могилы.

Поодаль, на телѣгѣ, запряженной парой разномастныхъ влячь, бѣлѣлъ простой, грубо сколоченный гробъ.

— Кого хороните?..

— Моего офицера, — пояснилъ стрѣлокъ съ блѣднымъ лицомъ,—въ братской ихъ упокоили.

— Не одного твоего здѣсь положили,—сказалъ санитаръ, выглянувшій изъ могилы.—Тутъ четыре прапорщика, капитанъ да пятеро рядовыхъ.

— Что же, въ гробахъ лежатъ?

— Какое. Какъ есть, въ бѣльѣ. Шинелями прикрыты...

Солдаты открыли трупъ офицера.

Онъ лежалъ почти нагой, еле прикрытый зеленой шолковой фуфайкой.

Животъ былъ обмотанъ окровавленной марлевой повязкой.

— Мой баринъ! — пробормоталъ, заикаясь, денщикъ.

Голова оставалась еще подъ слоемъ песка.

— Почему узналъ?..

— Рубаха ихняя, и крестъ на цѣпкѣ...

Стали рыть дальше.

Открылась нижняя часть лица.

Крутой энергичный подбородокъ, разведенный послѣдней судорогой ротъ съ рядомъ ровныхъ жемчужныхъ зубовъ.

— Мой баринъ! — повторилъ солдатъ.

— Вонъ ихъ зубъ золотой.

Дѣйствительно, во рту мертвеца живымъ огнемъ отъ проникшаго въ могилу солнца горѣло золото.

— Чистый еще. Земля теперь холодная, — сказалъ одинъ изъ раскрывавшихъ могилу.

— Подавай гробъ...

— Подождите минутку, — крикнула сестра, — я принесу простыню.

Побѣжала на станцію.

Солдаты стали совѣтоваться, какъ поднять тѣло.

Рѣшили — на рукахъ.

Подъ умершаго при погребеніи кто-то подложилъ холстину.

Концы ея связали на шеѣ и около колѣнъ.

Санитары взялись за узлы.

Одна нога покоилась еще подъ землей.

— погоди, — нескладно. Переломишь! — истерически выкрикнулъ денщикъ и схватилъ за лопату. — Теперь поднимай...

Тѣло павшаго героя осторожно извлекли на свѣтъ.

И въ глубинѣ могилы подъ тонкимъ покровомъ холстины обрисовался силуэтъ другого тѣла.

Поверхъ ткани лежали скрещенныя породистыя руки съ холеными ногтями и обручальнымъ кольцомъ на безымянномъ пальцѣ.

Сестра вернулась съ простыней и подушкой.

Бережно положили усопшаго въ гробъ.

Денщикъ стянулъ голову покойнаго платкомъ.

Накрыли крышку. Застучалъ молотокъ.

Солдаты быстро зарывали могилу.

— Куда же ты ихъ благородіе повезешь? — спросилъ кто-то.

— Домой въ О., — отвѣчалъ денщикъ.

— Что же, родные просили?

— Нѣтъ, они сами желали. Когда ихъ ранили, добрались мы до лазарета, баринъ говоритъ: „Ступай, Степанъ, въ обозъ. Забери вещи. Поѣдемъ лѣчиться въ О“. А потомъ прибавили: „Если умру, тоже отвези меня домой“. Пока я обернулся за чемоданомъ, они уже... вылѣчились. Главное, обидно мнѣ, что похоронили моего офицера такъ, въ общей. Будто я повиненъ.

Денщикъ запалкалъ.

— Хорошій офицеръ былъ. Съ начала войны пули и снаряды его не тронули. И вотъ пошли въ атаку. На разсвѣтъ. Шальная свалила. Передъ боемъ, въ пять утра, позвалъ онъ меня, велѣлъ принести бритъся...

Не договоривъ, денщикъ отвернулся, взялъ лошадей подъ уздцы и повезъ прочь повозку съ гробомъ.

Всѣ сняли шапки.

А надъ братской могилой тѣмъ временемъ опять появился крестъ.

На лицевой сторонѣ креста санитаръ, помочивъ слюной химическій карандашъ, старательно вывелъ:

„Здѣсь покоится 9 братьевъ. Четверо офицеровъ и 5 рядовыхъ“.

Каковъ человекъ есть дѣйствительно, можно распознать только въ бою. Тутъ ничего не скроется и человекъ станетъ во всю. Слова эти невольно припомнились мнѣ, когда я услышалъ, что незадолго до войны начальникъ бывшей драгомировской дивизіи, съ высокой честью ее подготовлявшей къ бою, — получилъ отставку съ производствомъ въ генералы-отъ-инфантеріи.

Началась война. Попросился на службу. Приняли и дали второочередную дивизію. Во всѣхъ войсковыхъ частяхъ личность начальника—это все, во второочередныхъ частяхъ въ особенности. Дивизію составляли почтенные бородачи, дяди, какъ ихъ называли въ японскую войну. Новый начальникъ дивизіи сталъ отлично, съ особымъ талантомъ и любовью обучать этихъ дядей и довелъ свою дивизію до того, что по прибытіи на варшавскій фронтъ эти второочередные полки не уступали въ бояхъ ни въ чемъ нашимъ блистательнымъ старымъ полкамъ. Повсюду въ войскахъ на нихъ смотрѣли съ уваженіемъ и любовью, принимали ихъ помощь въ боевыхъ линіяхъ. Особенно

¹⁾ „Русское Слово“, 1915 г. №

ярко выдѣлилась дѣятельность этой дивизіи, когда три полка этой дивизіи у Ендорожца ¹⁾ одержали блестящую и рѣшительную побѣду надъ германцами и взяли 17 орудій, 12 пулеметовъ, 11 зарядныхъ ящиковъ, 11 офицеровъ и 400 нижнихъ чиновъ, какъ это напечатано въ № 75 „Русскаго Инвалида“ отъ 4 апрѣля 1915 г.

Начальнику дивизіи генералу-отъ-инфантеріи Левреинову пожалованъ орденъ св. Георгія 4 степени.

Вскорѣ онъ былъ назначенъ командиромъ сильно потерпѣвшаго корпуса, который онъ скоро реорганизовалъ — устроилъ.

Когда совершился прорывъ германской конницы на Сѣдлецко-Бологовской желѣзной дорогѣ у Молодечно и Сморгони, то для заполнения этого прорыва туда были направлены разныя боевыя части, которыя съ честью преграждали дорогу наглому врагу, но не были въ силахъ ихъ доконать. Оставался еще не закрытый нашими войсками изрядный участокъ. Вотъ туда-то и направленъ былъ этотъ корпусъ, сильный составомъ и духомъ и искусно направленный въ бой.

Обходами съ лѣваго фланга и тыла германцевъ части корпуса стали энергично на нихъ напирать. Германцы побѣжали, и къ 17 сентября прорывъ былъ совершенно заполненъ.

П. В.

¹⁾ „Русское Слово“, 1915 г.

„Русская Старина“, т. CLXV. Мартъ 1916 г.